

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Международная научная конференция «Н.В. Гоголь и славянский мир». Томск, Томский государственный университет. 26–28 октября 2006 г.

Творчество Н.В. Гоголя, украинского и русского писателя, романтика и реалиста, традиционалиста и прародителя модернизма, являет собой уникальный образец искусства «на границах», обыгрывающего возможности многих культурных, эстетико-философских и поэтических моделей, не теряя при этом внутренней цельности. Совместный украинско-российский проект ряда конференций, поддержанный грантом Российского гуманитарного научного фонда № 06-04-91401 а/У и особенно актуальный в преддверии 200-летия со дня рождения писателя, открывает широкие возможности для осмысления гоголевского синтетизма.

Первая из конференций, состоявшаяся в Томском государственном университете, органично выросла из начинаний кафедры русской и зарубежной литературы. Томская школа литературоведения, начиная с исследований Ф.З. Кануновой и А.С. Янушкевича 1960-1970-х гг., постоянно проявляла пристальное внимание к творчеству Гоголя. Разностороннюю панораму современных подходов к художественному миру писателя, его эволюции и связям с ближними и дальними культурными контекстами позволяет представить конференция «Творчество Н.В. Гоголя на пересечении традиций» (Томск, 2003) и выпущенный по ее материалам сборник статей «Гоголь и время» (Томск, 2005). Новая конференция, сфокусировавшая интересы современного российского гоголеведения в лице ученых из Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Кемерово и Барнаула, продемонстрировала плодотворность идей томской литературоведческой школы и вывела на качественно новый уровень осмысление гоголевской поэтики.

Сквозной мыслью конференции выступила емкая пластичность гоголевских смысло- и текстопорождающих художественных стратегий, обеспечивающая внутреннюю динамику, творческую силу и способность актуализироваться в движении литературных эпох. Наличие этой точки схождения задало особую атмосферу конференции, диалогичную, отмеченную живым обменом мнений, стремлением вывести обсуждаемую тему в новые контексты. Камертоном здесь послужило уже вступительное слово **А.С. Янушкевича**, в котором было подчеркнута жизнеутверждающая многолика природа творчества Гоголя, сопротивляющаяся любым попыткам «выпрямления» и упрощения. Доклад **Ф.З. Кануновой**, посвященный проблеме гоголевского смеха, еще более наглядно продемонстрировал, что стремление отделить друг от друга трагического и комического Гоголя, нередко возникающее в исследованиях последнего времени, бесплодно и даже разрушительно, поскольку удаляет от истинного житнетворческого пафоса писателя, реализованного в уникальной синтетической поэтике.

Ее имманентное рассмотрение составило одну из важнейших тематических линий конференции. Особый интерес вызвал доклад **С.А. Гончарова** (*Санкт-Петербург*), в котором ученый на материале т.н. «дефектного текста» поставил проблему синтеза в гоголевском повествовании двух дискурсивных стихий – повседневно-бытовой и книжно-литературной. Мир внетекстовой реальности, к которому принадлежит нарратор, накладывает свой отпечаток на характер и судьбу произведения, деформируя текст, но и превращая его в «историю об истории», открывая новым смысловым связям. Многослойность гоголевского дискурса вы-

ступила предметом анализа **Е.Г. Падериной** (*Москва*), обратившейся к архитектонике пьесы «Игроки». Отталкиваясь от барочного сюжета «Комедии притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого и опыта «домашних» спектаклей, автор создает в «Игроках» ситуацию «театра в театре», служащую для героев-шулеров целям обмана и выводящей к проблеме нравственного самообмана Ихарева. Оригинальную интерпретацию жителю творчества и поэтики Гоголя предложил **В.В. Мароши** (*Новосибирск*), обративший внимание на значимость для писателя семантики тканья, вязи, «плетения словес». Бытовые увлечения автора (конструирование одежды, вязания и т.п.) здесь переходят в особую технику текстопорождения, ориентированную не столько на сюжет, сколько на процесс повествования.

Доклад **Н.В. Хомука** (*Томск*), посвященный ольфакторным мотивам в прозе Гоголя (феноменам обоняния и запаха), поставил интереснейшую проблему чувственного взаимодействия персонажа и окружающего мира. Гоголевская интерпретация сферы запахов обозначила точку перехода от абстрактно-иерархического отношения, свойственного традиционалистской культуре (благовоние vs. зловоние), к многообразию индивидуальных ощущений, категории реалистической и модернистской литературы XIX – XX столетий. **В.А. Доманский** (*Томск*) принял экскурс в область ландшафтной поэтики Гоголя, одним из ключевых топосов которой является образ сада. Материал доклада, обозревающего воссоздание в гоголевской прозе реальных типов садов, принадлежности усадебной культуры XIX в., переводит вопрос об образе сада из плана метафорико-символического, доминирующего в исследованиях по данной теме, в план культурно-исторический, связанный с эпическим воссозданием действительности. Выступление **И.А. Поплавской** (*Томск*) обратило внимание на важную черту гоголевского синтетизма – взаимодействие поэтической и прозаической художественности. Мир лирико-поэтического сознания раскрывается у писателя в диалогически ориентированном нарративе, что позволяет органично ввести в повествование поэтические мотивы и образы, жанровые субстраты (песня, элегия, идиллия), порождая феномены внутритекстовой и межтекстовой интерференции. Интегрирующий метод, как показала **И.А. Айзикова** (*Томск*), был свойственен и учительной прозе «Выбранных мест из переписки с друзьями», пронизанной библейскими образами и мотивами. В контексте гоголевской книги они ставились в зависимость от единой мысли о спасительности очищающего страдания и намечали важнейшие узлы авторских размышлений, образуя своеобразный метасюжет.

Сравнительный аспект, на который нацеливало уже название конференции, составил вторую сквозную линию научного диалога, позволившую проследить генезис и судьбу гоголевских традиций от мифологических истоков до XX века и отмеченную особенно интенсивным обменом мнений. Так, **С.М. Козлова** (*Барнаул*) поставила вопрос об отражении в творчестве писателя славянского карнавального юмора, существенно отличающегося от западноевропейской смеховой культуры. Гоголевская демонология и мифопоэтическая топика актуализируют, кроме того, еще и оппозицию «свой / чужой» («украинец / москаль»), члены которой призваны остраивать и взаимно дополнять друг друга. Доклад **Е.А. Суркова** (*Кемерово*) выявил отношение автора «Старосветских помещиков» к жанровым традициям русской идиллии, сложившимся в XVIII веке и актуализировавшимся в литературе сентиментализма и раннего романтизма. Это позволило наметить генетические связи гоголевского сюжета и системы образов как с жанровым каноном в целом, так и с его репрезентацией в произведениях Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского и др. Предметом рассмотрения **Л.А. Ходанен** (*Кемерово*) выступило типологическое соотношение «русалочьего» мотива в романтическом мире Гоголя и М.Ю. Лермонтова: у первого он призван был воплощать чудесный контакт двух сфер бытия, земного и потустороннего, а у второго эти области оказываются непреодолимо разведены и соприкосновение их пробуждает лишь тревож-

ное очарование либо разрушительные силы. Стремление Гоголя к синтезу, взаимообогащению различных начал подчеркнул и **В.С. Киселев** (*Томск*), сосредоточивший внимание на традициях циклизации в «петербургских» повестях. Для воплощения дробной, алогичной петербургской действительности автор прибег к жанровой модели кумулятивного эпоса, трансформировавшей подчиненные элементы натуралистического цикла, цикла анекдотов и параболических единств жизни, патерика, легенды.

Доклад **Г.И. Колосовой** (*Томск*) открыл тему рецепции гоголевского творчества в литературе XIX – XX веков. Опираясь на материалы книжного собрания А.В. Никитенко, хранящегося в Научной библиотеке ТГУ, ученый осветила судьбу известного деятеля русской культуры, его общение с литераторами-современниками и особо остановилась на автографах Гоголя в книгах, подаренных другу и цензору. Непосредственному влиянию художественных открытий писателя на авторов-современников были посвящены два доклада. **Э.М. Жиликова** (*Томск*) обратилась к формам гоголевского психологизма, особому взгляду на духовное развитие личности, заявленному во втором томе «Мертвых душ» в образе Тентетникова и Уленьки. Он оказал глубокое воздействие на русскую прозу 1850-х годов и, в том числе, на творчество П.А. Кулиша, в повести которого «История Ульяны Терентьевны» предпринята попытка достоверного психологического воссоздания идеального женского образа. **Т.И. Печерская** (*Новосибирск*) рассмотрела иной, диалогический вариант рецепции гоголевских традиций, свойственный раннему творчеству Ф.М. Достоевского. Так, при сопоставлении «Записок сумасшедшего», претекста «Двойника», выясняется, что оба писателя отталкивались в развитии темы от системы т.н. общих мест, устойчивых топосов эпохи, и Достоевский стремился в повести не столько к полемике с Гоголем, сколько к реализации неиспользованных им возможностей.

Подобное активное освоение гоголевских художественных открытий стало доминантой современной русской литературы. Показателен здесь доклад **А.И. Куляпина** (*Барнаул*), обративший внимание на научно-психологический и философский инструментарий, при помощи которого М. Зощенко препарировал мотивы и образы Гоголя. В интерпретации автора XX века они обретают физиологическое, психоаналитическое или социологическое звучание, «выпрямляющее» и во многом упрощающее их синтетическую природу. Более сложный вариант наследования выдвинул русский театральный авангард 1920-х годов, предмет рассмотрения **Т.Л. Воробьевой** (*Томск*). Сценические интерпретации В.Э. Мейерхольда, Г.М. Козинцева, Л.З. Трауберга, И.Г. Терентьева, ориентированные на «слом традиции», следование духу, а не букве гоголевского творчества, обнаружили социально-философскую и художественную многослойность классических текстов «Женитьбы» и «Ревизора». Актуальность эстетических обобщений Гоголя в новую эпоху убедительно и на широком материале продемонстрировал **А.С. Янушкевич** (*Томск*), проследивший судьбу идей и образов «Ревизора» в литературе 1920-1930-х годов. Ситуация «ревизии» социально-исторического опыта, дух самозванства, атмосфера тотального ослепления питали постоянный интерес к пьесе, художественный мир которой выступил претекстом рассказов, повестей и пьес М. Булгакова, Е. Замятина, К. Вагинова, Н. Эрдмана, импульсом театральных экспериментов режиссеров-авангардистов, предметом литературоведческого осмысления В.В. Виноградова, Б.М. Эйхенбаума, В.Б. Шкловского, М.М. Бахтина.

По материалам докладов планируется выпуск сборника статей (Томск, 2007). Продолжением проекта выступит II Международная конференция «Н.В. Гоголь и славянский мир», которая состоится в 2007 г.

В.С. Киселев,

Томский государственный университет